

Се Юнь...

Дань Чао выглядел удивлённым, а Се Юнь, сидя рядом с ним, с облегчением хлопнул в ладоши, наконец поняв, у кого Фу, старшая дочь, переняла свою манеру поведения.

Фу Вэньцзе тут же почувствовал, как у него будто две головы на плечах, поспешил уступить почётное место и усадить свою мать, крайне смущённо объясняя Дань Чао и Се Юню:

— Это... это моя матушка. Сегодня, услышав, что прибыли двое почётных гостей, она... прошу вас, не обращайтесь внимания...

Уголок рта Дань Чао слегка дёрнулся, он уже собирался что-то сказать, но Се Юнь тут же с улыбкой прервал его:

— Ничего, ничего, старая госпожа права, молодому хозяину поместья не стоит смущаться.

Выражение лица Фу Вэньцзе мгновенно стало таким, словно ему в глотку насильно запихнули яйцо, покраснев, затем побелев.

Старая госпожа явно очень баловала сына и племянника со стороны матери. Увидев, что лекарственный отвар Фу Вэньцзе стоит рядом, она сразу же громко позвала служанку, чтобы та помогла ему выпить; затем, взяв за руку Чэнь Хайпина, принялась расспрашивать о его здоровье, боясь, что он простудился, упав в озеро, и за это время несколько раз с недовольством бросила взгляд на Дань Чао.

Фу Вэньцзе смущённо сказал:

— Честно говоря, после смерти отца пост главы союза боевых искусств оказался вакантным, поэтому недавно крупные школы решили в начале следующего месяца провести в Поместье Ковки Мечей турнир боевых искусств, чтобы выбрать нового главу союза, который возглавит всех в сопротивлении против Врат Духов и Призраков, вторгшихся в центральные земли с севера, из Мобэя... Представители таких школ, как Кунтун и Цинчэн, уже прибыли и остановились в нашем поместье, поэтому людей много, разговоры разные, вот матушка и...

Се Юнь с удивлением спросил:

— Школы Кунтун и Цинчэн находятся довольно далеко от Цзяннани, почему же именно в Поместье Ковки Мечей решили провести турнир боевых искусств?

Никто не заметил, как рука Дань Чао, держащая палочки, слегка дрогнула, словно в лёгком сомнении, и он бросил взгляд в сторону госпожи Лун.

Фу Вэньцзе же не почувствовал ничего странного:

— Хороший вопрос, госпожа. На самом деле причина не сложна: среди мастеров боевых искусств издавна существует правило — новый глава союза унаследует на турнире реликвию старого главы, и самыми важными среди них являются два меча — Лунъюань и Тайэ...

Внимание Дань Чао мгновенно переключилось, он резко повернулся к Фу Вэньцзе.

— ...Лунъюань символизирует высокую добродетель, Тайэ — путь власти, вместе они называются мечами Поднебесной, легенда гласит, что получивший их получит и Поднебесную; после смерти моего отца эти два древних знаменитых меча хранились запечатанными в нашем

поместье, поэтому именно здесь и решили провести этот всеобщий турнир.

Фу Вэньцзе сделал паузу и с любопытством спросил:

— Мастер Синь Чао, что с вами?

Дань Чао слегка прищурил свои волчьи острые глаза. Два длинных меча, плотно завёрнутые в рваную ткань, которые он нёс весь путь на юг, сейчас перекрещены на его мощной спине.

— Молодой хозяин поместья, — медленно спросил он, в его спокойном голосе сквозила едва уловимая настороженность, — есть ли хоть малейшая возможность, что эти два меча могут быть подделаны?

В мгновение ока выражения на лицах матери и сына Фу слегка изменились.

— Невозможно, мастер, вы слишком беспокоитесь, — Фу Вэньцзе опустил голову и поднял чашу с лекарством, улыбаясь. — Лунъюань и Тайэ — это знаменитые древние мечи, обладающие божественной природой, каждый признаёт своего хозяина, если кто-то другой попытается использовать их без разрешения, мечи немедленно издадут гул, сотрясающий всё вокруг в радиусе нескольких ли — разве подделка может обладать такой особенностью? Поэтому совершенно не о чем беспокоиться.

— Тогда Лунъюань и Тайэ действительно всё ещё в Поместье Ковки Мечей?

Фу Вэньцзе и не ожидал, что Дань Чао задаст такой прямой вопрос, замер на мгновение, прежде чем ответить:

— Конечно.

С этими словами он тут же поднёс чашу с лекарством к губам и сделал глоток.

Се Юнь по-прежнему слегка улыбался, краем глаза наблюдая за Дань Чао.

Профиль чёрного монаха носил отпечаток суровости, характерной для Мобэя: прямой нос, слегка сжатые губы, решительный, с чёткими чертами подбородок, напряжённые линии переходили в крепкую шею и кадык. Из-за чрезвычайно острого зрения в его глазах таилась глубокая, скрытая пронизательность, и он поочерёдно окидывал взглядом лица Фу Вэньцзе, старой госпожи и Чэнь Хайпина.

Чэнь Хайпин ничего не понимал, а старая госпожа чувствовала себя несколько неловко и сама взяла палочки, чтобы положить сыну еды в пиалу.

Дань Чао холодно произнёс:

— У меня есть ещё один вопрос.

Фу Вэньцзе поставил чашу и рефлекторно сглотнул:

— Прошу, мастер, говорите...

— Знает ли молодой хозяин поместья, где искать воду снежного лотоса, используемую для закалки мечей?

Фу Вэньцзе с натянутой улыбкой покачал головой, на этот раз даже с оттенком мольбы:

— Что такое вода снежного лотоса? Этого я действительно не знаю.

Пир в конечном итоге завершился в напряжённой атмосфере. Хотя нельзя сказать, что разошлись в ссоре, но судя по холодному выражению лица старой госпожи и рассеянному виду Фу Вэньцзе, до этого было недалеко.

После еды Дань Чао сделал вид, что собирается уходить, но к тому времени уже сильно стемнело, и Фу Вэньцзе, как и ожидалось, стал настойчиво уговаривать его остаться, поэтому Дань Чао, плывя по течению, согласился заночевать.

Чэнь Хайпин же обрадовался — если этот надоедливый монах не уйдёт, то и госпожа Лун, естественно, останется; если госпожа Лун останется, то завтра можно будет увидеться снова, возможно, после ночи мысли госпожи Лун изменятся, и завтра она вдруг согласится выйти за него замуж.

В эту ночь золотой осенний лунный свет проникал сквозь оконные решётки, колыша яшмовые крюки и ледяной шёлк, в ночном ветерке тихо витал аромат османтуса. Се Юнь поднялся с ложа, кое-как собрал волосы и, накидывая халат, вышел из комнаты. Как он и ожидал, напротив, у гостевой комнаты, в лунном свете, в тени извилистой крытой галереи, сидела стройная фигура в чёрной монашеской рясе.

— Мастер ещё не отдыхает?

Дань Чао внезапно очнулся от раздумий, опустив завёрнутый в рваную ткань меч Цисин Лунъюань:

— Госпожа Лун.

Се Юнь стоял посреди залитого лунным светом двора, скрестив руки, смерил Дань Чао взглядом, затем вдруг с интересом поддразнил:

— Мастер сидит один глубокой ночью, погружённый в тяжёлые мысли. Не знаю, о ком вы думаете — о Будде Шакьямуни или о какой-нибудь юной деве?

Неожиданно Дань Чао не стал сразу оправдываться или торопиться с возражениями, а помолчал некоторое время, прежде чем покачать головой:

— Нет, я думаю об одном человеке.

Он сделал паузу и медленно произнёс:

— О том самом... Се Юне из Чанъаня.

Бровь Се Юня едва заметно приподнялась, и лишь спустя мгновение он с улыбкой ответил:

— О?

Дань Чао кивнул и спросил:

— Госпожа Лун, какой он человек — командующий Се?

Двор был прозрачным и чистым, лунный свет отливал синевато-белым на каменных колоннах. Дань Чао сидел, свесив ноги, на перилах галереи, глядя на тяжёлый меч Цисин Лунъюань. В тени был виден только его сосредоточенный профиль, переносица отбрасывала глубокую тень

на худощавую щёку.

Этот молодой человек с севера, из Мобэя, — молчаливый, крепкий, прямой и одинокий, казалось, был окутан вечным вихрем пыли и песка, совершенно непохожий на учёных и талантов Цзяннани.

Но когда он сидел здесь, у кромки водного края, с мечом в руках, он странным образом сливался с одиноким, далёким лунным вечером Цзяннани.

— Вы говорите о командующем Се, — протянул Се Юнь.

Он погладил подбородок, словно долго раздумывая, и наконец рассмеялся.

— Если спросить стражников в Доме Се, они, наверное, скажут, что он сносный хозяин; если спросить таких важных персон из партии наследного принца, как Чжан Вэньгуань или Лю Бинцзе, они, наверное, скажут, что он подлый человек, помогающий творить зло и льстящий сильным; а что касается встреченной мной сегодня первой красавицы мира боевых искусств, старшей дочери Фу, она описала его наиболее кратко — сказала, что Се Юнь — великий демон, безобразный, как злой дух, и безжалостный.

— Но разве это тот Се Юнь, которого знаете вы, мастер?

— Суждение каждого о другом человеке определяется его собственной позицией, поэтому, каким вы, мастер, считаете Се Юня в душе, таким он и является.

Выражение лица Дань Чао стало задумчивым, и через мгновение он сдавленно рассмеялся:

— Госпожа очень мудра, этот бедный монах признаёт своё поражение.

Се Юнь же сказал:

— Мастер слишком любезен, эта малая женщина тоже не много читала. Но почему мастер вдруг задаёт такой вопрос? Неужели это связано с Цисин Лунъюань?

Дань Чао на мгновение задумался, и раздался лёгкий звон.

С этим звуком меч Лунъюань в его руке вышел из ножен наполовину, клинок отразил холодный блеск.

Некое туманное, неосязаемое давление мгновенно распространилось во все стороны от обнажённой половины клинка.

— Древний божественный меч в Поместье Ковки Мечей — поддельный, — мрачно произнёс Дань Чао. — Этот подлинный меч Лунъюань два года назад мой наставник держал в руках, собираясь убить меня.

— Я не знаю, почему так получается, но в течение двух лет мне часто снится один и тот же сон: я живу в юности в Великой пустыне, где летает жёлтый песок, рядом со мной незнакомый человек, которого я называю наставником. Днём мы скачем на лошадях, натягиваем луки и охотимся на волков, а ночью при свете масляной лампы он читает мне книги, учит меня писать на пожелтевшей бумаге, а за окном воеет холодный ветер Мобэя.

— Несколько раз мне снилось, что ночью в серебристой пустыне раздаётся звон верблюжьих колокольчиков, а наставник сидит во дворе и играет на цянди, звук далёкий, прерывистый,

разносится во все стороны.

<http://bllate.org/book/15578/1387085>